

Жители деревни Абрикосовая отличались простотой нравов, и большинство из них были людьми добрыми. Хотя встречались и любители пожить за чужой счет, в важных вопросах они всегда старались поступать по совести.

В этот момент большинство селян полагали, что Линь Хань послушается старосту и повезет дикого кабана в город на продажу. Лишь немногие с тайной надеждой поглядывали на юношу. Под прицелом ожидающих и разочарованных взглядов Линь Хань наконец заговорил.

Исполненный искренней благодарности, он твердо произнес:

— Староста, я глубоко ценю вашу доброту, но решение уже принято: я буду продавать мясо кабана здесь, в деревне. Я никогда не забуду того, что вы все для меня сделали. Если бы не ваша помощь в прошлом, я бы давно умер с голоду и не дожил бы до сегодняшнего дня, чтобы подстрелить этого зверя. Даже если я продам мясо по двадцать вэней за цзинь, я получу шесть лян серебра. Не волнуйтесь, староста, я не дам себе умереть с голоду.

Линь Хань говорил так искренне, что староста не нашел, что возразить. С этого дня юноша словно по-настоящему стал полноправным членом деревни Абрикосовая.

— Раз так, — кивнул староста, — поступай, как решил.

Селяне, уже приготовившиеся уйти ни с чем, были приятно удивлены таким поворотом событий — возможность купить дешевое мясо их несказанно обрадовала. Симпатия к Линь Ханю возросла настолько, что, когда староста принес инструменты для разделки, юноше даже не дали прикоснуться к работе: все дружно взялись помогать.

Тушу разделали быстро, и началась торговля. Кто-то брал цзинь, кто-то два, а самые запасливые купили сразу по двадцать. Вскоре от кабана ничего не осталось. Ян Хунъюань не ошибся: зверь весил триста восемь цзиней, и, продав триста из них, Линь Хань выручил ровно шесть лян серебра. Оставшиеся восемь цзиней юноша решил оставить себе.

Довольные покупкой качественного мяса по доступной цене, жители расходились по домам, оживленно переговариваясь, словно на празднике.

— Ох, этот паренек Линь теперь не пропадет, — проговорила бабушка Лю. — Даже будучи таким худым, смог завалить кабана, а что будет дальше? Живет один, ни родителей, ни младших братьев или сестер на иждивении. Тот, кто выйдет за него, сразу станет хозяйкой в доме — вот уж кому счастье привалило!

— И не говори, — подхватила бабушка Ван. — К тому же Линь Хань парень видный. Сейчас, конечно, худощав, но в плечах широк, статный. Жаль, у меня в семье нет девушек или шуан'эр на выданье, а то была бы отличная партия.

Пока Линь Хань был занят продажей, он не чувствовал голода, но теперь, когда суэта улеглась,

живот напомнил о себе недовольным урчанием. Староста, купивший немало мяса, услышал это и пригласил юношу на обед.

— Линь Хань, ты ведь с самого утра маковой росинки во рту не держал, — радушно сказал он.  
— Мой муж Цинь готовит всегда с запасом, поешь с нами, а потом отправляйся домой.

Отказаться было неудобно, да и Линь Хань действительно проголодался. Дома его ждала лишь холодная печь, а из еды — только кусок свежего мяса, даже риса не было. Поколебавшись, он с радостью согласился.

— Спасибо, дядя Ян.

— Да что ты, не за что! Проходи, садись, не к чему эти церемонии.

— Хорошо.

Линь Хань вошел следом за старостой. Супруга старосты звали Цинь Цинь — это был добродушный шуан'эр, сын местного ученого. Увидев гостя, он велел детям принести стул.

— Сюаньцзы, живо, принеси брату Линь Ханю табурет! — скомандовал он. Сюаньцзы был младшим сыном старосты, его звали Ян Хун Тао.

Затем Цинь Цинь протянул юноше миску с едой:

— Ешь скорее, уже время обеда перевалило, небось совсем проголодался.

Линь Хань поблагодарил и принялся за еду. Когда первый кусочек коснулся языка, он едва не расплакался. Боже, он уже и не помнил, сколько дней не ел такой свежей, горячей пищи. Вот это и была настоящая жизнь! После начала апокалипсиса он питался лишь лапшой быстрого приготовления, сухими пайками и снеками, о свежих овощах оставалось только мечтать.

Если бы не пристальные взгляды окружающих, он бы точно не сдержал слез. Линь Хань изо всех сил старался подавить эмоции, чтобы не казаться слишком взволнованным. Но он не был роботом: несмотря на все усилия, его руки слегка дрожали, а уголки глаз покраснели, выдавая его с головой. В конце концов, ему было всего двадцать пять-двадцать шесть лет, он даже толком поработать не успел. Мир рухнул сразу после университета, и юношеский задор еще не успел угаснуть под ударами судьбы.

Цинь Цинь, наблюдавший за ним, решил, что парень просто до смерти изголодался.

— Линь Хань, не торопись, ешь спокойно, — мягко сказал он. — Еды много. Ты продал кабана и получил шесть лянов, этого хватит надолго, теперь голодать не будешь.

Слова Цинь Циня помогли, и Линь Хань постепенно успокоился. «Верно, — подумал он. — Я только что заработал деньги, теперь смогу купить много вкусного. А главное — я переродился

в этом мире. Здесь нет зомби, повсюду цветы, зелень и жизнь. Если буду стараться, у меня всё будет. Да, мне нужно радоваться».

Увидев, что юноша приободрился, Цинь Цинь спросил о его планах.

— Линь Хань, что думаешь делать дальше? — голос его звучал так нежно, что Линь Хань невольно вспомнил свою маму из прежней жизни. К сожалению, они были разлучены навсегда.

— Дядя Цинь, я планирую купить еды, чтобы была дома, и пару комплектов одежды, — ответил Линь Хань. — Остальное отложу. Как накоплю побольше, снесу старый дом и построю новый, а там видно будет.

Цинь Цинь внимательно выслушал его, решив, что парень рассуждает здраво.

— А одежду ты сам шить умеешь? — уточнил он.

Линь Хань покачал головой:

— Нет, поэтому хочу купить готовую.

Цинь Цинь ахнул:

— Ох, готовую? Это же совсем другие деньги! Разница в цене между готовым платьем и куском ткани огромная. Давай так: ты купи ткань, а я помогу тебе всё сшить, договорились?

<http://bllate.org/book/22439/2357271>